

К.В. Анисимов

Томский государственный университет

**Биографический сюжет в областной культуре
Сибири XIX столетия***

Деятели областнического движения Сибири второй половины XIX – начала XX в. оставлено немало образцов автобиографической прозы [Ядринцев, 1979; Потанин, 1983; Потанин, 1986; Потанин, 1992], создававшейся в ситуации тесного соприкосновения с их художественными экспериментами, например, с писавшимся в начале 70-х г. совместными усилиями Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева романом «Тайжане» [Потанин, Ядринцев, 1997]. Внимание областников к автобиографическому жанру, в общем, понятно: им была присуща искренняя уверенность в том, что словесность края начинается непосредственно *с них самих*, многочисленных своих предшественников они, как правило, отказывались признавать, делая исключение только для П.А. Словцова и П.П. Ершова. «Я как-то писал Ядринцеву, – вспоминал на склоне лет Потанин, – что сибирской литературы еще нет, она вся в будущем, а пока она только заключается в его письмах ко мне» [Потанин, 1983, с. 196].

Изучение автобиографий сибирских регионалистов, бесспорно, представляет самостоятельный интерес, и попытка анализа этих материалов нами уже предпринималась [Анисимов, 2002]. Однако биографическое начало в областнической традиции не может быть сведено только к сочинениям мемуарного характера, особенностям которых посвящена, например, специальная работа Н.А. Николиной. Исследовательницей выделены параметры автобиографического жанра: одним из ключевых здесь является совпадение «повествователя и автора произведения», а также установка «на достоверное сообщение об основных фактах и событиях жизни автора» [Николина, 2002, с. 11]. Жанр рассматривается прежде всего как «рассказ о себе».

Однако автобиография, понимаемая как явление, близкое к самосознанию [Бахтин, 2000, с. 172], как концептуальное осмысление шагов на «пути к самому себе» [Николина, 2002, с. 8], может выходить далеко за рамки жанра мемуаров. Речь идет о намеренном выстраивании человеком собственной жизни в соответствии с заданным поведенческим сценарием, который со временем может отразиться и в записях автобиографического характера, однако на первых порах существует, как правило, за пределами литературы. Впервые в нашей традиции на это явление обратил внимание Г.О. Винокур, рассмотревший «историю личной жизни как ... особую структуру» [Винокур, 1927, с. 24]. Впоследствии идеи Г.О. Винокура были развиты в широко известных работах Ю.М. Лотмана, в которых качества текстуальности были перенесены на деятельность некоторых индивидуумов и коллективов, изучавшихся как типологические феномены того или иного этапа историко-культурного процесса. Поведение человека, рассматриваемое с этой точки зрения, начинает напоминать «определенный язык» [Лотман, 1997а, с. 673],

* К.В. Анисимов, 2004

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 03-04-00242а/Т.

«текст, организованный по законам определенного сюжета» [Лотман, 2002, с. 247].

Становление культуры в Сибири XIX в., появление интеллигенции и развитие ее самосознания, – все эти процессы проходили в контексте активного преобразования собственных судеб, биографий ключевыми представителями сибирской общности. Основной чертой этого жизнетворчества была трансформация узального сценария жизни, сознательный выбор таких решений, которые прежде могли быть истолкованы как отход от нормы, а в данный период оказывались у истоков формирования новой нормы [Ср.: Лотман, 1997б, с. 805].

Напряженное взаимодействие старого и нового подхода к биографии сибирского интеллигента коснулось главного: вопроса о целесообразности самого пребывания мыслящего, образованного человека на территории, давно закрепившей за собою репутацию «страны изгнания». Традиция диктовала восприятие Сибири как пространства кары, само нахождение за Уралом уже могло расцениваться как наказание.

Показательна реакция М.М. Сперанского на полученное назначение на генерал-губернаторскую должность в Сибири. В письме к А.А. Столыпину от 1 апреля 1819 г. он пишет: «Постараюсь однакоже скрепясь написать вам с некоторою ясностью последнее мое завещание; это настоящая духовная: ибо, мне кажется, я отправляюсь прямо на *тот свет*...» (здесь и далее везде курсив наш – К.А.) [Сперанский, 1871, стб. 454-455] При всей противоречивости политической судьбы этого выдающегося государственного деятеля его двухлетнее пребывание в Сибири ни в коей мере не являлось наказанием, сопоставимым, скажем, с судьбой декабристов. Во-первых, он располагал властными полномочиями, невероятными для обычного «конвикта», как назвал Сперанского Г.Н. Потанин [Потанин, 1977, с. 97]; именно от него исходила угроза «кары» бесконтрольному сибирскому чиновничеству, но никак не наоборот. «...Толпами отдал под суд, более отрешил и переместил...» – писал он к А.А. Столыпину, рассказывая о своих распоряжениях в Томске [Сперанский, 1869, стб. 1979]. Во-вторых, с самого начала Сперанский знал, что его миссия будет недолгой, все его письма из Сибири пронизаны интонацией скорого возвращения. «За тайну тебе скажу, что я не более, как на год и много если на год с половиною должен отправиться в Сибирь...» – пишет он дочери из Пензы перед самым отъездом [Сперанский, 1868, стб. 1202]. Наконец, в третьих, накануне пересечения сибирской границы до него доходят весьма благоприятные слухи из столицы: «...«Сегодня отправляюсь я в Тобольск. Из Петербурга получил я здесь новые уверения в милостях Государевых» [Сперанский, 1868, стб. 1211]. Однако при этом Сперанский рассуждает о предстоящей поездке в традиционных терминах «злой судьбы» наказанного ссылкой «несчастливого». «Что я ни делал, чтоб *избежать Сибири*, и никак не избежал. Мысль сия, как *ужасное ночное привидение*, преследовала меня всегда, начиная с 17 Марта 1812 года¹, и наконец постигла. Странное предчувствие! В судьбе моей есть нечто суеверное» [Сперанский, 1871, стб. 454].

Нормой в сознании М.М. Сперанского являлось осмысление любого путешествия за Урал как разновидности ссылки, в особенности, если инициатором поездки выступало государство. Такое представление сложилось еще в период средневековья, причём задолго до того, как в Сибирь действительно начнут регулярно отправлять уголовных и политических преступников. Так, П.Н. Буцинский приводит известный пример отказа в 1622 г. «прибранных» на Москве священников оставаться в Тобольске. Они пренебрегли хорошим жалованьем и устремились назад в Москву; оставить их в Тобольске удалось только под угрозой высылки в еще более отдаленные местности Сибири рядовыми попами [Буцинский, 1999,

¹ День роковой аудиенции у Александра I, после которой последовало падение Сперанского.

с. 184].

Итак, нормативный инвариант всякого движения на восток от Уральского хребта – ссылка, наказание. Противовесом этой ситуации является закономерно становящееся такой же нормой желание выехать из Сибири. Вновь приведем характерное признание Сперанского. «Окончив здесь (в Тобольске – К.А.) дела я поспешу в Иркутск, как к цели моего путешествия, путешествия, конечно: ибо *никогда не найду я в себе ни сил, ни способов не только здесь остаться, но и представить себе сие вероятным*» [Сперанский, 1868а, стб. 1683-1684]. Формирующееся самосознание интеллигента-сибиряка должно будет со временем дезавуировать весь комплекс этих глубоко укорененных представлений. Очень важен здесь пример П.А. Словцова.

В его судьбе старая нормативная ситуация ссылки в Сибирь с сопутствующим ей желанием во что бы то ни стало покинуть территорию наказания была со временем трансформирована в разработанный самим Словцовым сценарий «служения» новой родине, предполагающий добровольное пребывание в ее границах. В этом смысле пример Словцова представляется более существенным, чем, скажем, не менее «патриотическая» биография П.П. Ершова, покинувшего в 1836 г. Санкт-Петербург и вернувшегося в Тобольск. Словцов был на самом деле *выслан* в 1808 г. за Урал, после чего он предпринял немало попыток добиться изменения своей участи. Ершов же уехал из столицы самостоятельно. Рассматривающиеся ниже примеры формирования, по существу, нового самосознания сибирского историка и краеведа раскрывают процесс распада устаревшей биографической нормы и ее замены на новую в судьбе *одного* человека. Словцов как будто совместил в себе два способа отношения к Сибири, открыв прямую перспективу для развития областнического менталитета.

Локальный патриотизм Словцова носил подчеркнуто индивидуально-психологический характер. Известен биографический факт: будущий историк родился, как пишет его друг и ученик И.Т. Калашников, «...на Нижне-Сусанском железоделательном заводе Пермской губернии» [Калашников, 1905, с. 398], т.е. на самой границе Сибири и европейской России. И хотя позднее на страницах своего «Исторического обозрения» Словцов напишет, что в середине XVIII в. «...вся ширина и длина хребта (Уральского – К.А.) входила в состав Сибири, исключая двух концов, северного и южного, из которых последний отошел в 1744 г. с Исетскою провинциею к Оренбургу» [Словцов, 1886, с. 45], а Пермская губерния, кроме того, относилась к Тобольской епархии, что и предопределило поступление юного Словцова в Тобольскую духовную семинарию [Бакай, 1918, с. 46]¹, все-таки место своего рождения определялось им как «не совсем» Сибирь. По этой причине, – пишет И.Т. Калашников, – он «сам лично говорил мне, что он родился на берегах Нейвы в Невьянском заводе, находящемся в Ирбитском уезде, лежащем по ту сторону Уральского хребта, следовательно, в Сибири» [Калашников, 1905, с. 398-399]. Эта настойчивость на сибирском происхождении, доходящая у Словцова до мистификации места своего истинного появления на свет, вполне согласуется с позднейшими областническими представлениями о биографии «патриота», который в идеале должен не только всю свою деятельность, но и место пребывания связать с «родиной».

Биография Словцова с присущей ей чередой выездов-возвращений в Сибирь вообще чрезвычайно напоминает областническую, при этом особенно показательна рефлексия, сопровождающая эти перемещения. Сам Словцов после окончательного укоренения в Тобольске и краха его попыток, реабилитировавшись, выехать в Россию, вел себя как настоящий областник, навсегда связавший себя со

1 Е.А. Авдеевой-Полевой принадлежит характерное в этой связи замечание: «Прежде причисляли к ней (Сибири – К.А.) и Пермскую губернию; да и в самом деле Пермская губерния сходствует более с Сибирью, нежели с Россиею...» [Авдеева-Полевая, 1837, с. 8].

своим пристанищем. М.М. Сперанский, исполняя генерал-губернаторскую должность, так характеризовал своего друга: «Уединение освежило его мысли и успокоило его душу до того, что кажется он ничего не желает и готовится умереть спокойно; в свое время я буду о нем сильно ходатайствовать; но кажется, если бы предложили ему место канцлера, он не двинулся бы никуда отсюда» [Сперанский, 1871, стб. 472; ср.: Мирзоев, 1964, с. 7]. Сам Словцов написал в письме к И.Т. Калашникову от 28 ноября 1827 г. строки, заставляющие вспомнить характерную «легенду» о месте его рождения. «Если дадут когда-нибудь мне пенсию, хотя бы и с правом жить в России, никуда не поеду далее Кургана и буду жить поселянином, буду работать около домишки, которой куплю, и на пашне, которую разведу» [ИРЛИ, ф. 120, оп. 1., ед. хр. 102, л. 29]. Если в своих автобиографических данных Словцов настаивал на Сибири как месте своего рождения, то здесь налицо желание и последние свои годы связать с территорией, расположенной «не далее Кургана», т.е. все той же культурно отмеченной линии западной сибирской границы.

Одновременно он понимает и необходимость для ищущего культурных перспектив сибиряка выехать за пределы своей родины. И.Т. Калашников приводит в этой связи ряд выдержек из адресованных ему писем Словцова с наставлениями «...не строить преждевременно ваших планов о вашем возвращении в Сибирь. <...> Поверьте... что лучше служить в столице, нежели в той или другой Сибири, куда приезжают чиновники малограмотные и следовательно к раболепству готовые <...> Выбросьте из головы, – говорил он, – химерические намерения служить в Сибири» [Калашников, 1905а, с. 636]. Советы Словцова подобраны у Калашникова тенденциозно. Он не учитывает, например, таких, совершенно противоположных по смыслу, размышлений своего корреспондента. «Да, любезный Иван Тимофеевич, пора спросить для (подчеркнуто П.А. Словцовым – К.А.) чего оставили вы Сибирь? И не должно ли будет когда-нибудь возвратиться туда?» [ИРЛИ, ф. 120, оп. 1, ед. хр. 102, л. 41об.] При этом многочисленные призывы Калашникова к Словцову переехать в Петербург, буквально наполняющие письма романиста к своему учителю, были оставлены последним без внимания, очевидно, вследствие все той же четкой установки оставаться на месте и «быть полезным для Сибири читающей», как выразился историк в своем предсмертном письме к Калашникову [Беспалова, 1973, с. 136].

Отмеченные нами черты новаторства в выстроенном Словцовым сценарии своей жизни в Сибири были при всем их индивидуальном характере типологически обусловлены. Формирование сибирской интеллигенции, ассоциировавшей себя с краем, заставляло вносить коррективы в мифопоэтический стереотип «страны изгнания», на территории которой обитают сплошь невольники. Закономерность жизненного выбора Словцова доказывается тем, что деятели областного движения второй половины XIX в., вряд ли имея детальное представление о судьбе своего предшественника и, ориентируясь главным образом на его исторические и краеведческие изыскания, по существу, скопировали основные вехи биографии Словцова. Как и у автора «Прогулок вокруг Тобольска», ключевым мотивом биографического сюжета областников стал мотив возвращения в Сибирь и добровольного пребывания в территориальных пределах «родины».

В середине столетия областники столкнулись с одной из главных проблем сибирского общества – «абсентеизмом» местных интеллектуальных сил. «...Все бежит из Сибири», – пишет Н.М. Ядринцев в редакционной статье своего «Восточного обозрения» [Ядринцев, 1882, с. 2]. Отмеченная публицистом практика «бегства» являлась отражением все той же установки на отъезд из Сибири, которая существовала в предшествующий историко-культурный период. Широко распространенной нормой вновь был противопоставлен ряд искусственно конструируемых биографических прецедентов, которые должны были в неопределенном бу-

душем сделаться новой нормой. Однако на первых порах они были уделом абсолютного меньшинства. Речь идет о сформированном на рубеже 50-60-х г. петербургском землячестве студентов-областников, в котором культивировалась идея возвращения. Впрочем, она разделялась отнюдь не всеми. Очень трезво писал по этому поводу Г.Н. Потанин. «Еще живя в Петербурге, мы с Ядринцевым в среде сибирской молодежи проповедовали, что сибиряки, кончив университет, должны непременно возвратиться в Сибирь, чтобы служить на своей родине. Эти идеи не все члены сибирской колонии разделяли. *Большинство* сибирской молодежи не хотели себя стеснять подобными обязательствами. Жизнь в Европейской России привлекательнее, здесь больше культуры, меньше грубости; здесь картинные галереи, концерты, лекции, доклады в ученых обществах; здесь образованная среда и более вежливое начальство. Они протестовали против тех, которые призывали на родину. Сибирская колония разделилась на два лагеря» [Потанин, 1983, с. 197]. Потанин очень реалистичен в своих оценках: против предложений областников было именно *большинство*. Насколько нелогичным когда-то казалось Сперанскому и Калашникову нежелание Словцова переехать в столицу, настолько же произвольными и утопическими представлялись предложения областников их современникам спустя почти 30 лет.

Однако при всей своей схожести на биографический выбор Словцова, самоопределению молодых областников была присуща одна особенность, характеризовавшая их позицию как явление нового историко-культурного этапа. В их публицистическом и особенно эпистолярном наследии содержится стремление объяснить и обосновать психологически свой «патриотизм», с которым концепция возвращения была неразрывно связана. Остановимся на примерах из текстов Г.Н. Потанина.

Императив возвращения появляется в одном раннем письме Потанина, относящемся к 1864 г. «Я не сетую, – пишет молодой областник, – на то, что несколько знаменитых имен Сибири принадлежит теперь своей деятельностью Европейской России. Когда они воспитывались, сибирское общество не выработало еще идеи о своей самобытности. Теперь уже преступление против человечества требовать, например, от Менделеева *возвращения на родину*. Но желательно, чтоб с сей минуты, с которой мы начали сознавать себя, ни один сибирский грош и ни одна органическая клеточка не были бы истрачены не на себя, не на родину» [Потанин, 1977, с. 38]. Часто встречающиеся у Потанина понятия «сознание», «самосознание», «родина», «патриотизм» объясняются им как очень древние явления внутреннего мира человека. «*Местный патриотизм* – это могущественный инстинкт, не призванный к жизни, бесполезно таящийся, робко прозябающий в сердцах людей, и способный сотворить чудеса...» [Потанин, 1977, с. 94]. «По Дарвину оказывается, что все социальные инстинкты вынесены нами еще из мира дочеловеческого, животного: героизм, самопожертвование, *любовь к отечеству* – все это существовало давно, только в грубой форме, которая исчезла со временем» [Потанин, 1977, с. 38].

Эти соображения Потанина окажутся очень продуктивными, различные их аспекты будут включены в саморефлексию автора: так, рассуждая о формировании собственного мировоззрения, Потанин учтет проблему *инстинкта*. Кроме того, настаивая на врожденном характере «патриотизма», к концу жизни он создаст концепцию своего рода «областного» человека, долго ожидавшийся региональной словесностью тип героя-областника. Приведем примеры.

В письме к К.В. Лаврскому, датированном январем 1877 г., Потанин вспоминал о начале своего научного пути. «Много у меня все-таки было неясного, сознаваемого только *инстинктом*. Хотелось проверить и подкрепить свои желания наукой. Ехал я уже (речь идет о поездке из Сибири в Санкт-Петербург в университет – К.А.) с твердым намерением приобрести в святилище науки и *принести*

их назад своим землякам» [Потанин, 1989, с. 68-69]. Формированию осмысленной установки на возвращение из столицы предшествуют, по мысли Потанина, «неясные», «инстинктивные» переживания. Спустя много лет он разъяснит тесную связь между психологией и формированием областнических взглядов. Обратимся к брошюре Потанина «Возрождение России и министерство народного просвещения», изданной красноярским союзом областников-автономистов в 1919 г. [Потанин, 1919; далее ссылки на эту работу приводятся в тексте статьи с указанием страницы в скобках].

Основные идеи этой предсмертной работы Потанина восходят к его давнему увлечению педагогикой, основанной на глубоком исследовании родного края, противовесе поверхностному изучению природы вообще. Предваряя разъяснение задач этой формы образования, Потанин задается вопросом: «Будет ли разумно разрывать ребенка с его родной природой, чтобы на чуждых ему объектах упражнять его логическое мышление?» [Потанин, 1988, с. 140. Письмо к А.С. Гацискому, сентябрь 1874 г.]. Образование, по мнению теоретика областничества, должно состоять «в описании мира природы концентрическими кругами. Первый круг: окрестности школы; физическая география их и жизнь в них человека. Второй круг: область в физическом и социальном отношении. Третий круг – Россия» [Потанин, 1988, с. 140].

Все эти идеи будут много позднее повторены в указанной брошюре, первая часть которой – «Интернационалисты и областники» – посвящена сопоставлению двух противоположных «темпераментов», а вторая – «Место университета в системе народного образования» – той самой проблеме взаимосвязи культурного центра, каким является университет, и региональной среды. Если концепция заключительного раздела работы традиционна для Потанина и в целом перекликается с его педагогическими изысканиями второй половины XIX в., то проблематика первой части совершенно уникальна и представляет собой опыт исследования областной психологии, самой структуры «местного патриотизма». Данное обстоятельство позволяет вывести статью далеко за рамки политической злобы дня, которой она, собственно, и посвящена, и рассматривать ее в связи с разработкой типологии героя-областника, реализующего в своей жизни некоторый биографический сценарий.

Итак, по мнению Потанина, людские «темпераменты» «разделяются на две группы – интернационалисты и областники» (3). Носители этих «темпераментов» «представляются людьми двух различных типов» (3). Принципиально непохожи начальные этапы их биографии – детство. Позволим себе ряд объемных цитат. «С раннего детства наша память обогащается от картин природы и от явлений человеческой жизни впечатлениями, которые, накапливаясь и повторяясь, становятся милыми нашему сердцу. Если это накопление впечатлений пройдет у человека с раннего детства до зрелого возраста без нарушений, то перед вами будет темперамент, сросшийся с местной природой и местным обществом всеми фибрами души» (3). Если же «ребенка увозят из страны, к которой он привык, которую начал уже любить <...> в совершенно новую обстановку» (3), то у него «происходит ломка души» (3). Со временем «в нем воспитается темперамент, который привыкнет к подобным ломкам, который без особенных страданий будет отрываться от старых привязанностей. И вот, перед вами интернационалист, экстерриториальный человек» (3-4), который «под родиной будет разуметь всю Россию <...> или даже всю вселенную» (4). «Он вырос человеком без детских традиций» (4). «Судьба людей, – продолжает Потанин, – которые не прерывали со своими детскими воспоминаниями и постоянно находились в связи с друзьями своего детства, загадки не составляет. В них медленно и неуклонно вырастает *идея о служении той среде, в которой проходила их жизнь*» (4). «Географически кругозор их расширился до представления об области; тогда появляется чувство, которое мы

можем назвать местным патриотизмом. Но на этом дело не останавливается, – географический кругозор расширится до пределов государства; рядом с любовью к родине явится идея об отечестве» (4). Очевидно, что эти выводы Потанина являются реминисценцией его ранних соображений о «концентрических кругах» школьного изучения природы, в результате которого должен был быть воспитан человек, тесно связанный с интересами края. Если же его воспитывать противоположным образом, то результат будет принципиально иным. Такой человек «не заражен местными инстинктами или местными предрассудками и свободнее воспринимает крайности социальных утопий» (5). Последняя мысль прямо выводила автора на итоговое суждение: «Большевиковский эпизод в истории Сибири совершенно излишний» (9).

Таким образом, коллизия 1917 и ближайших последующих годов представляла в сознании престарелого Потанина столкновением «экстерриториалов» с «областниками», являвшимися не столько конфликтными политическими силами, сколько противоположными «темпераментами», каждый из которых сформировался под воздействием той или иной биографической традиции. Так попытки осмыслить собственную жизнь как *идеальный* биографический сюжет (в действительности и Потанин, и Ядринцев пренебрегали требованием обязательного пребывания в границах «родины» и путешествовали исключительно интенсивно) привели со временем к выявлению биографических закономерностей в жизни других людей, группирующихся соответственно с особенностями их жизненного пути в *типы*.

Инициированная в первой половине XIX в. некоторыми сибирскими интеллигентами переориентация собственного жизненного сценария, выразившаяся в стремлении превратить его в подчиненную некоему замыслу последовательность событий, т.е. в придании ему качеств текста, существенным образом способствовала развитию культурной идентификации образованного сибиряка, становлению самосознания региональной литературной традиции.

Литература

- Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837.
- Анисимов К.В. Областная сибирская проза XIX века: автобиография и литературный сюжет // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной конференции (15-17 октября 2001 г.). Томск, 2002. Ч. 1. С. 238-241.
- Бакай Н. Памяти П.А. Словцова как историка Сибири // Сибирские записки. 1918. № 2-3. С. 45-59.
- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
- Беспалова Л. Сибирский просветитель. Свердловск, 1973.
- Бущинский П.Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Тюмень, 1999.
- Винокур Г. Биография и культура. М., 1927.
- ИРЛИ, ф. 120, оп. 1. – Архив И.Т. Калашникова в отделе рукописей ИРЛИ РАН (Пушкинский дом).
- Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. № 8. С. 384-409.
- Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. № 9. С. 609-646.
- Лотман Ю.М. О Хлестакове // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997а. С. 659-688.
- Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997б. С. 804-816.
- Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233-254.

- Мирзоев В.Г. П.А. Словцов. Очерк из истории культуры Сибири первой половины XIX века. Кемерово, 1964.
- Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2002.
- Потанин Г.Н. Возрождение России и министерство народного просвещения. Красноярск, 1919.
- Потанин Г.Н. Письма: В 4 т. Иркутск, 1977. Т. 1.
- Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983.
- Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986.
- Потанин Г.Н. Письма: В 4 т. Иркутск, 1988. Т. 2.
- Потанин Г.Н. Письма: В 4 т. Иркутск, 1989. Т. 3.
- Автобиографические беседы Г.Н. Потанина // Былое и новь (Краеведческий альманах). Томск, 1992. С. 37-49.
- Потанин Г.Н. Тайжане. Историко-литературные материалы / Сост., предисл. и прим. Н.В. Серебренникова. Томск, 1997.
- Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири: В 2 кн. Кн. 2. СПб., 1886.
- Письма графа М.М. Сперанского к его дочери // Русский архив. 1868. Стб. 1103-1211.
- Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. 1868. Стб. 1681-1811.
- Письма М.М. Сперанского к А.А. Столыпину 1818 и 1819 годов // Русский архив. 1869. № 11. Стб. 1966-1983.
- Письма Сперанского к А.А. Столыпину // Русский архив. 1871. № 3. Стб. 431-484.
- Ядринцев Н.М. Служебные привилегии и абсентеизм // Восточное обозрение. 1882. № 37.
- Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск, 1979. С. 319-342.